

Арогаста

Рысь и Горностай-2

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А84

А84 **Арогаста**
Рысь и Горноста́й-2: Том 2 / Арогаста – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 567 с.

ISBN 978-5-8854-2974-0

Страшная тайна прошлого может изменить настоящее и будущее!

Верите вы в это или сомневаетесь - неважно, колесо судьбы уже вращается, повернуть его вспять нельзя!

То, что казалось невозможным, вдруг случается.

Мсть становится болью и проклятием для мстителя.

Верная дружба перерастает в нерушимую любовь.

Изошренная фантазия создает мирок, в котором черное выдается за белое, а преступник кажется героем и чувствует себя в безопасности.

Но захочет ли прекрасный барон де Коллин пойти в этот фальшивый мирок с женщиной, на которой женился, не переставая любить другую?

И что, если единственный человек, который знает страшную правду, не умер и вернется? Отважная Нейстрия, полуязыческая Бретань и воинственная Нормандия - вот где предстоит жить, страдать, любить и сражаться героям! Вы хотите узнать, как сложатся их судьбы? Как политические игры и амбиции королей, конунгов и герцогов повлияют на их жизни и любовь?

Я расскажу вам об этом!

ISBN

© Lennex Corp, 2026
© Арогаста, 2026

Глава 1. Реннские игры

Предисловие. Начало X века. Создание турнирного кодекса — пока дело очень отдаленного будущего. Но это не значит, что воинские состязания не проводились. Проводились, и еще как!

И делалось это по определенным правилам, которые могли существенно меняться в зависимости от места, времени года и состава участников, хотя некоторые из этих правил должны были оставаться неизменными всегда и везде.

Традиция устраивать воинские игры зародилась еще в Римской империи, где она постепенно вытеснила жестокие бои гладиаторов между собой или с дикими зверями и стала ни чем иным, как военно-спортивным состязанием всадников. Хотя это опасное, требующее особой выучки, силы и выносливости развлечение порой заканчивалось увечьями или гибелью, но участники шли на турнир по своей воле, да и таковы были тогда правила. Да и люди слишком отличались от своих менее воинственных потомков.

Ведь римское сословие, которое называлось «всадники» — шевалье, кавалеры, эквиты — это и есть рыцари!

Нитхард, франкский хронист IX века, так описывает военные состязания отрядов Людовика Немецкого и его брата, франкского короля Карла Лысого в Вормсе в 843 году:

«Для телесных упражнений они часто устраивали воинские игры следующим образом. Для этого они сходились там, где за этим было удобно наблюдать, и, в присутствии теснившегося со всех сторон народа, большие отряды саксов, гасконцев, австразийцев и бретонцев быстро бросались друг на друга с обеих сторон; при этом одни из них отступали и, прикрывшись щитами, спасались бегством от нападавших, но потом, в свою очередь, преследовали тех, от кого бежали. Наконец, оба короля, окруженные лучшими юношами, набрасывались друг на друга с громкими криками, выставив вперед копья и, как в настоящей битве, то одна, то другая сторона отступала. Зрелище было удивительное по своему блеску и господствующей при этом дисциплине...»

Позднее такие сражения стали называть «бугурт» — состязание пеших воинов, или же «тьост» — состязание всадников с копьями.

Запрет Святой Церкви на присутствие женщин на воинских состязаниях был введен гораздо позже, почти 200 лет спустя после описываемых событий, и действовал не менее столетия (если верить датам из хроник, то в разных странах — по-разному).

А значит, прекрасная Диана — жена, дочь и сестра отличных воинов, обязательно поедет на турнир. Должна же она увидеть триумф своего супруга! Но поскольку ей вскоре предстоит стать матерью еще одного будущего воителя, ее собственный боевой меч и кольчуга пока хранятся в оружейной. Но это только до поры!

Осень 909 года выдалась в Бретани, как и в королевстве франков, солнечной и не слишком дождливой, но было холоднее, чем обычно в это время.

Урожай почти всюду был убран, что должно было ознаменоваться веселым праздником.

Кроме того, наследник Урмаэлона, принц Даниэл, вернулся наконец из поездки по стране, которую совершил вместе с красавицей Фрэган, своей молодой женой. Их возвращение было важным событием, тем более, что принц считался одним из лучших среди бретонских бойцов и был намерен показать свое умение на турнирном поле.

В Ренне вот уже неделю трудно было не просто пройти по улице, но даже и на коне проехать, такой плотной была толпа, почти непрерывно движущаяся в разных направлениях, галдящая, уже заранее нарядная и веселая. Здесь говорили не только на местном наречии, но и на иных языках, ибо для участия в турнире прибыли рыцари разных стран.

Всем было заранее известно, что на турнире покажут свое умение не только бретонцы и их франкские союзники, но и рыцари таких отдаленных земель, как Бавария, Аквитания, Лотарингия, Англия, Ирландия и еще некоторых других, названий которых доселе здесь никто и не слыхивал.

В списки, как говорили вездесущие рыночные торговки, были внесены даже несколько норманнских ярлов со спорных земель, что были когда-то бретонскими, а теперь просто лежали между Бретанью и Нормандией, ибо один из герцогов не мог сейчас распылять силы, чтобы отвоевать их обратно, а второй — отобрать у своих воинственных соотечественников, обосновавшихся на земле древней Арморики до него.

— Зачем только этих злобных язычников сюда пустили? — недоумевали некоторые горожане.

— Как зачем? Чтобы добавить остроты играм! — поясняли более сведущие. — Эти норманны не воевали против нас, говорят, что некоторые из них стали даже христианами и заключили перемирие с владыкой Бретани, потому им и разрешено участвовать. Норманны — сильные воины, интересно будет увидеть их на сей раз не на боевом поле, а на турнирном.

— Какие они христиане, всем известно! — ехидно засмеялся кто-то. — По пять раз или даже больше готовы принимать крещение, когда им это выгодно, а все равно они язычники. Некоторые из них додумались ставить крест у себя на варварском капище, где поклоняются старым богам. В прежние времена их бы всех здесь вырезали, чтобы заодно и прочие боялись, но теперь на такое не пойдут! Забыли уже, как один из этих якобы христиан, ярл Хастинг Свирепый, притворился

умирающим и даже просил епископа Анжу открыть ему ворота города и принять последнюю исповедь, а потом выскочил из гроба во время своего отпевания и учинил резню, захватив в заложники самого прелата!

- Но здесь и сейчас норманнов никто не может тронуть! Наш Урмаэлон дал слово за себя и всех своих подданных, что все явившиеся на празднества и турнир рыцари неприкосновенны, независимо от веры и страны, где они родились, пока находятся на его землях и соблюдают законы!

— Один из норманнских участников — сам Гуннар Жестокий!

— Так и он теперь тоже христианин?

— Да, точно такой же, как и все его крещеные собратья!

— Он, говорят, отменный воин, а все же уступает Монришару. Вот кому уже отправили вызовы на единоборство самые сильные бойцы из нескольких королевств!

— Ну, вот и поглядим! Монришар, он ведь тоже чужак. Многие не расстроятся, если франкский ворон заклюет норманнского волка, но и если волк растерзает ворона по перышку, тоже хорошо. Пусть перебьют друг друга!

Шум и резкие запахи торговых рядов не долетали до той части города, где селилась знать.

Во дворце архиепископа Реннского, в покоях Дианы, царило приподнятое настроение, как всякий раз перед торжествами и парадными выездами. Бретонские фрейлины и прислужницы весело щебетали, подавая госпоже то чашу с освежающим напитком, то ларец с украшениями, то ленту.

Диана де Монришар примеряла перед зеркалом очередное платье, а еще несколько нарядов только дожидались примерки.

Диана должна была родить через три месяца и, конечно, фигура ее изменилась, хоть молодая баронесса и несколько преувеличила эти изменения в письме брату и Иоли.

Беременность не доставляла ей особых хлопот, она была красива, любима, знала об этом и не намеревалась уступать первенство другим!

Ведь для нее этот день — не просто веселый осенний праздник, как для всех прочих.

Это был особенный день для нее и Гастона. День, когда перемешались сны и явь, вымысел и правда, а таинственные силы определили их будущее, направив в руки отважного шевалье венки, предназначенный гордой Дианой совсем для другого мужчины. Но игру с ними вела уже сама судьба, а ее не изменишь и не перехитришь!

«Суженого и конем не объедешь!» — говорила ее воспитательница Аделина.

Как обычно, эта неграмотная, но наделенная мудростью женщина была права.

Сколько не противилась Бретонка, но ее фант выпадал все время на Гастона. До тех пор, когда ей самой понравилось это.

Она стала невестой Ворона, а затем и его женой. Прошрое она почти не вспоминала, и никто не сказал бы, что она считает свою долю жестокой! Напротив, они с Гастоном по-настоящему наслаждались жизнью и любовью, ибо не только плотская близость была между ними, но и родство душ.

Но сейчас перед нею стоял важный и трудный выбор, и Диана, тряхнув белокурой головой, вернулась мыслями к более земным делам.

Она должна определиться с платьем! Это было важно, ведь от платья зависит, какие на ней будут завтра украшения, вуаль и туфельки!

Сейчас она придирчиво разглядывала платье из тончайшего фризского сукна, ярко-голубое, с широкими рукавами чуть ниже локтей. Под это платье одевалось нижнее, в тон, но из тяжелого шелка, с удлинненными узкими рукавами, украшенное понизу широкой золотой каймой.

Сюда прекрасно подходило оплечье с сапфирами и жемчугом, и такие же серьги.

Диана устала от примерок и уже думала остановиться на этом наряде, но на широком ложе ее камеристка как раз раскладывала еще одно платье.

Переливчатый темно-серебристый шелк сразу напомнил другой день и другое платье, и рука непроизвольно потянулась погладить роскошную ткань. Она была не такой жесткой, как та, другая! Но не будет ли это платье слишком уж строгим рядом с одеждами бретонских женщин? Те имеют привычку по торжественным случаям надевать все самое яркое и лучшее сразу — и украшения, и платья. Им нравится, когда бриллианты слепят всем глаза своим блеском. И еще местные женщины обожают переодеваться по несколько раз за день, пока длится праздник. Вот Фрэган наверняка оденет самое яркое, что только есть в ее сундуках! Да и остальные тоже...

— Не угодно ли примерить лиловое платье с нашитыми аметистами, госпожа? — спросила Флоранс. — Уже вечер, завтра с утра ехать на турнир, а какое платье подавать...

Диана не успела ответить.

В этот миг открылась дверь, и вошел ее муж.

Он сразу же выслал из комнаты женщин, и супруги остались наедине.

— Ты хотела выбрать на завтрашний день это серое платье, Диана? — нежно проговорил он, привлекая ее к себе.

— Оно напомнило мне некоторые моменты нашей жизни, — с улыбкой проговорила она и погладила его обветренную щеку. — Я думала и о темно-

красном генуэзском бархате, ведь именно в таком платье я была у ручья, там, где ты поймал мой венок.

— Оно было очень красивым, моя милая! Но в том, сером и жестком платье, у меня дома, ты уже любила меня! И я никогда не забуду и платье, и тот вечер, и особенно ночь! Помнишь? Ты сказала мне все, что было у тебя на сердце и причиняло боль, ты была так взволнована и старалась скрыть испуг, и в одно и то же время и смела, и беззащитна, ты была готова открыть свое сердце и страшилась, что тебя оттолкнут! От всего этого у меня едва не остановилось сердце, — признался он.

— Так ты понимал тогда все, что я чувствовала? — удивилась она. — Откуда ты узнал?

— Просто я люблю тебя, да и сам чувствовал то же самое.

Диана закрыла глаза, и он целовал ее веки и наслаждался биением ее сердца возле своего собственного.

Он всегда прислушивался к малейшему движению их малыша, но сейчас тот совсем притих, видимо, не хотел мешать взрослым выражать свои чувства.

Потом Гастон выпустил ее, и Диана заметила, что он пришел не с пустыми руками.

Муж указал ей на красивый ларец полисандрового дерева.

— Закрой глаза, — попросил он. — Но не подглядывай, я скажу, когда можно открыть.

Диана повиновалась.

Она слышала, как Гастон открыл замочек ларца, затем что-то прохладное и приятно тяжелое легло на голову. Он мягко повернул ее лицом к зеркалу.

— Теперь смотри.

И Диана увидела... венок Королевы осеннего леса!

Он венчал ее голову с полураспущенной косой и выглядел почти как тот, что достался лесным девам-дриадам.

Только этот, новый, был из золота и драгоценных камней!

Искусный ювелир сделал для нее венец без зубчиков, в стиле меровингских королей, то есть похожий на очень широкий обруч, украшенный крупными камнями, ограненными или вовсе без огранки.

Этот венец тончайшей работы был сделан из золотых стеблей, переплетенных осенними травами и колосьями, и словно бы обвит гирляндой листьев из красного золота, похожих на кленовые, которые были очень крупными над ее лбом и помельче — на висках. Каждый лист по контуру был обильно выложен драгоценными камнями, которые изображали капельки росы. А между листьями искусный мастер расположил красные и оранжевые самоцветные гроздья осенних ягод — калины и рябины.

— Я никогда не видела подобной красоты, Гастон! — завороченно проговорила она, не в силах оторвать взгляд от этого воистину королевского украшения.

— Я и сам не видел подобной красоты, — улыбнулся он, счастливый ее радостью.

— Только я говорю о тебе, о твоей красоте, милая. А венец — лишь достойная тебя оправа.

— Гастон, ты взял у меня простой венок, а подарил драгоценность, достойную королевы...

— Я взял у тебя — тебя саму, а ты и есть моя королева и драгоценность. Так что я все сделал правильно!

Диана уже опомнилась и по-детски захлопала в ладоши.

— Теперь ты сама видишь, — продолжал он, тронутый ее восхищением, — что яркое платье помешало бы в полной мере любоваться этой красивой вещью. Этот серый шелк и яркие украшения в тон венцу — вот в чем завтра ты затмишь всех! Конечно, придется накинуть плащ, но венец все равно все увидят. Скажи своим женщинам, что выбрала, в чем поедешь на турнир, пусть подготовят нижнее платье, как в тот раз, алое, и такие же туфельки. Надеюсь, тогда они уgomонятся и перестанут бегать по всем коридорам и переходам дворца, как безумные!

Диана весело рассмеялась и взяла его за руку.

— Мы погуляем в саду, милый? От этих примерок мне стало душно, а перед глазами мелькают то разноцветные платья, то ожерелья, то просто круги!

— Это признак переутомления, жена! — ответил муж в тон ей. — Тебе и ребенку нужен воздух, так что идем.

— Я благодарю тебя за этот дар, любовь моя, — сказала она. — Он будет ждать меня здесь, в ларце.

Во время прогулки они говорили о том, что занимало сейчас всех — о предстоящих воинских состязаниях, которые начнутся завтра и продлятся три дня. Коснулись и посещения принца Даниэла, который явился к ним вчера, но почему-то в отсутствие Гастона. Возможно, потому, что до сих пор недолюбливал его и считал высокомерным и слишком ученым для полководца.

Иное дело — Диана, которая еще больше расцвела с тех пор, как вышла замуж. Она по-прежнему влекла его, вызывая желание взять верх... не только как мужчина над женщиной, но и переспорить ее, убедить в своей правоте. Почему-то это было важно для него.

Диана недовольно нахмурилась, стоило вспомнить о посещении принца. Невежество всегда раздражало ее, а невежество воинствующее — еще более...

Турниры в часто воюющей Бретани были не редкостью, а любимым развлечением, как и у франков. Жители Ренна и городских предместий давно привыкли к военным играм, обыкновенная схватка или состязание были для них не в диковинку. Но в этот раз должно было произойти нечто удивительное по своей силе и грозной красоте.

Участие прославленных рыцарей из разных стран только усиливало интерес, ибо не каждому в жизни выпадает удача увидеть воинов, доспехи и вооружение самых далёких стран, да ещё и понаблюдать за их поединками, обсудить и перенять боевые приемы чужеземцев.

Даже казнь преступников через четвертование или утопление никогда не собирала такого количества зрителей!

Но впервые и неспроста воинские игры устраивали здесь с таким размахом и пышностью.

Именно этот турнир должен был стать чем-то грандиозным, о чем после еще много лет будут рассказывать у очагов долгими зимними вечерами.

Гастон торжествующе улыбался, видя, как вот уже несколько дней лесные жители, кто в повозке или верхом, а кто пешком, с женами и детьми движутся одним сплошным потоком в сторону столицы. Все эти наивные лесовики выглядели слегка ошарашенными от такого скопления людей и скота, шума, пронзительной музыки и звуков незнакомой речи. Но, не встречая к себе враждебности, они успокаивались и смотрели по сторонам с наивным любопытством.

Осенний турнир был заранее продуман Монришаром вместе с Герардом Реннским и приурочен к древнему Празднику сбора урожая. Оба знали, что именно так они смогут привлечь как можно больше простых полудиких бретонцев и вытащить их из лесов. Чтобы не на капища богопротивные стремились, а пришли посмотреть на лучших бойцов, да и увидели город Ренн, новый великолепный собор Святого Ива и воздвигнутые заново городские стены и валы собственными глазами.

К тому же, момент для подобных действий был вдвойне благоприятным. Вот уже два года поля плохо родили, зерно дорожало, дичи становилось меньше, а норманны-набежчики продолжали нападать, жечь бурги и уводить крестьян в рабство.

И сколько друиды не списывали все это на гнев старых богов, которые недовольны приходом христианских долгополых священников, сколько не приносили жертвы, прежней веры им уже не было. Если старики еще давали себя увлечь легендами о прежнем величии Бретани, то молодежь все охотнее тянулась из леса в города. И в христианские храмы.

Что ж, пусть знают силу и могущество герцога и наместника Бретани, пусть

начинают верить, что союз с Робертином несёт им защиту в дни войны и немалые выгоды в мирное время, а вовсе не разорение и ярмо рабства, как им твердят друиды Ригура.

Лишая поддержки неуловимого верховного друида, они ослабят и Рудала Ваннского, который был не прочь начать войну и отвоевать корону Бретани, которую считал по праву своей.

Над правилами и составом участников этого турнира долго думали, спорили и даже бранились, ведь зрелище должно было всем запомниться!

Наконец все было оговорено и согласовано вплоть до мелочей.

Первый день решили отдать молодым рыцарям, недавно получившим посвящение. Всем им предстояло сражаться в единоборстве, с юношами своего возраста и уровня подготовки. Они будут биться на длинных мечах и топорах-францисках в пешем бою, а затем сразятся на копьях, верхом на боевых конях.

Самое интересное и захватывающее, однако же, должно было произойти во второй и третий дни, когда в состязания вступят самые опытные и могучие бойцы. И если с боями один на один и вызовами на такие поединки все было понятно, то общий турнир вызвал массу жарких споров.

Обычно участники разбивались на два противоборствующих отряда, исходя из собственного желания, здесь же было решено распределить бойцов по жребию. Герцог Бретонский, сначала противившийся такому новшеству, в конце концов согласился с тем, что это будет правильно.

Ведь до сих пор многие бретонцы считали франков скорее захватчиками, чем друзьями, держались настороженно, и распределение без жребия могло привести к тому, что отряд, состоящий почти полностью из бретонцев, станет биться с таким же франкским отрядом. Это никак не сможет способствовать укреплению дружбы, будет слишком похоже на настоящую, не турнирную стычку, да и всегда найдутся желающие распустить слух, что судьи-распорядители по каким-то причинам к одному отряду были более благосклонны, нежели к другому.

В конце концов, общий турнир был назначен на третий день, и состав рыцарей каждого отряда определил слепой случай.

А уж по окончании состязаний знатных воинов будет дозволено показать свое мастерство и силу храбрецам из простого сословия — стрельба из луков по мишеням и кулачные бои стенка на стенку тоже были по-своему интересным, захватывающим зрелищем, и ставки тут делались не маленькие!

Урмаэлон и Оргэм особенно уповали на то, что наследник Бретани, их сын Даниэл, сможет блеснуть на предстоящем турнире. Даже просто обязан это сделать, ибо бретонцы, от магната до пастуха, превыше всего ценили силу, воинскую выучку и

удаль. И непременно хотели, чтобы их правитель обладал всеми этими качествами, иначе его не стали бы уважать.

У Даниэла была и сила, и ловкость, он по праву считался хорошим бойцом, но вот по части умения находить себе надёжных союзников, вести переговоры и не идти напролом, не наживать врагов там, где можно обойтись без этого, он пока не преуспел.

Хотелось надеяться, что он просто ещё молод и со временем возьмётся за ум, но пока поездка по стране показала, что сейчас править самостоятельно он не смог бы.

Принц жил больше своими необузданными страстями, нежели разумом.

Пока его благоразумия хватило лишь на то, чтобы не поддержать Бренну, когда отец решил выдать ее замуж и отправить с глаз подальше. Жажда власти перевесила чувство к стареющей любовнице, только и всего!

Но что до остального... Он продолжал упорствовать в том, что жить нужно по примеру героев древней Арморики, которые еще до великого Мерлина строили себе деревянные бурги и на капищах клали требы Таранису, а от супостатов защищались... Да вообще никак не защищались! На истинного героя и не посмеют напасть, он так силен, что его все уважают и боятся! А кто строит города, да еще и огораживает их каменными стенами, да насыпает валы, копает рвы и хитрые подземные ходы, тот просто жалкий трус, который сам всех боится!

По возвращении Даниэл явился к Диане выразить ей уважение как супруге соправителя Бретани и своей давней знакомой, но даже тогда ухитрился рассердить ее своими смехотворными рассуждениями о храбрости и трусости.

-Ты невежествен, принц! — сказала она. — Неужели ты, побывав в своих отдаленных владениях, что до сих пор стонут от набегов северян, не понял главного: не много навоюешь верхом на коне и с палицей прадеда в руке, если у твоих врагов есть греческий огонь, осадные башни и требушеты*. Жизнь не стоит на месте, люди когда-то вышли из пещер и выйдут точно так же из лесов, построят укрепленные города и корабли, на которых можно пересечь море, не страшась штормов, а тебе больше по нраву повернуть все обратно, к дикости! Если хочешь знать, мастер Карим, очень ученый человек, рассказал мне, что со временем люди научатся делать такие повозки, которые смогут ездить без лошадей!

— Ну и что? — удивился он. — Что тут такого? И сейчас лошадь можно не запрягать. Есть же еще мулы и ослы, а портшезы и вовсе носят невольники на своих плечах!

— Даниэл, в эти повозки вообще никто не будет впряжен!

— Так значит, они будут ездить сами, при помощи заклинаний? Это колдовство, Диана! Передай своему Кариму, что его пора сжечь за ересь! И твой муж позволяет

тебе слушать подобные речи, да еще и сам водит дружбу с этим неверным!

— Ну вот, тебе уже и мусульмане не угодили, Даниэл, — вздохнула она и сменила тему разговора. — Если тебя не интересует будущее, поговорим о настоящем. Послезавтра начнется турнир, и вот тогда, принц, ты сможешь блеснуть своим искусством боя, а заодно и оценить умение и храбрость других.

— Я слышал, — хмыкнул он, — что твой муж принял вызовы на поединок от нескольких знаменитых чужеземных бойцов. Но зачем ему копье и меч, интересно знать, если он уповает на крепость стен больше, чем на силу собственных рук?

— Сколь велика его сила, и как сир Гастон владеет оружием, ты убедишься послезавтра, если до сих пор не знаешь, — холодно отчеканила Диана. — Как и все мы получим возможность посмотреть в деле на тебя! Но вот, я вижу, сюда идет архиепископ со своим служкой, и тот держит в руках книгу. Наверно, это та самая, которую я просила мне дать! Она о Троянской войне. Не угодно ли и тебе послушать захватывающее чтение, о принц?

Чтение являлось тем, что ему было угодно менее всего, и Даниэл, сославшись на дела, вскоре ушел.

Поле для турниров находилось на расстоянии двух лье от Ренна, на пологом берегу реки Вилен.

Оно представляло собою огороженную прямоугольную площадку, на которой могли одновременно сражаться в общем турнире более сотни конных рыцарей. С трех сторон поля были устроены места для зрителей — особая трибуна с навесами от жары или дождя для высшей знати и деревянные трибуны в три яруса, на которых должны были разместиться зрители рангом пониже — мелкопоместная знать, торговцы и зажиточные горожане.

Простой люд — городская беднота, крестьяне, паломники, мелкие торговцы со своими женами и детьми — теснились в промежутках между трибунами или у ограды, сидячих мест тут не было.

Дети и подростки могли наблюдать за ходом турнира, забравшись на огромные осокори и дубы, которые росли близ поля и специально были оставлены, когда расчищали место от леса.

С четвертой же стороны турнирной площадки зрителям было запрещено размещаться, там оставляли место для шатров и палаток участников турнира. Там же постоянно находились монахи-врачеватели, чтобы при необходимости быстро оказать помощь получившим раны участникам.

Были здесь и походные кузни, где можно быстро подковать коня или исправить какой-либо изъян в доспехах.